

Елена КЛЕПИКОВА

АЛМАТИНСКИЕ БЫЛЬКИ

У каждого времени свои символы.
У каждой эпохи свой певец.

Вася-чечен

В годы войны в Казахстан были депортированы чеченцы. Жили они во многих областях Казахстана, в том числе Алма-Ате и Алма-Атинской области. Но война закончилась, потихоньку жизнь налаживалась: стали обращать усиленное внимание на искусство, образование, спорт. Молодежь, способную к результативному спорту, искали по всей республике. И вот в 1946 году Павел Георгиевич Чулок, бывший тогда заведующим кафедрой легкой атлетики в ПФК, привез из Джамбулской области парня-чеченца

Вася-чечен с командой

Увайса Ахтаева. Мальчишка был красив, по-восточному воспитан, уважателен. П никто даже представить не мог, что на многие годы он станет алма-атинским уникамом. Рост Васи-чечена, как его стали звать в городе, составлял... два метра сорок два сантиметра! Уже в 1947 году он победил в легкоатлетических соревнованиях на первенство Алма-Аты. Бегал очень своеобразно: представьте себе – по саванне плавно и величаво скачет жираф, а почти рядом, но все равно сзади, изо всех сил семят копытами зебры. На дорожке он был первым. Потом он стал заниматься водным поло – и здесь отличился – все игроки плавают, а Вася по дну ходит! Но истинным «звездным временем» для Васи стал баскетбол. Пара: распасовщик Арачачан – нападающий Ахтаев – памятна до сих пор, настолько невероятно они были сыграны. Вася устраивался почти под «корзиной» – ждал паса на добивание, Арачачан – на распасовке. Вброс – удар – бросок – очко! Вброс – очко! И – еще, и – еще! Играя в сборной команде Казахстана на Спартакиаде народов СССР, они были лучшими. У Васи промахи не случались (кстати, о точности удара – он был великолепным бильярдистом).

Из-за гигантского роста у Васи часто возникали бытовые проблемы. Посудите сами – где найти ложе такого размера? Вот и была у добротной кровати с никелированными шарами скручена спинка и в два ряда подставлены стулья, накрытые рукодельным матрасиком. А Васина «Победа»! В четырехместном автомобиле можно было ездить только вдвоем. Почему? Да потому что передние сиденья были выброшены из салона и приходилось рулить сидя на заднем – не помещались ноги! Его мама Амина была ему точно по поясицу. Как и всякая приличная чеченская семья они ходили гуськом: сначала мужчины, потом женщины. Картина всегда впечатляла: идет огромный, черный Вася, а

за ним поспешает покрытая платком тетья Дмина, ровно вполовину меньше. Вася страшно не любил, когда на него глазели и попусту любопытствовали. Однажды он стоял в парке и пил пиво. Тут к нему подбежал мальчишка и прутиком очеркнул стопу – с пятки и с носка (очевидно, пацаны поспорили о размере Васиной ноги). Вася что-то страшно прокричал по-чеченски, швырнул кружку, ногами затер метки и ушел. В начале 60-х он неожиданно исчез, говорили, что уехал в Грозный. А у него было большое сердце, жили они бедно, и, опять-таки, говорили, что он завещал свой скелет мединституту, получив за это малую толику денег. Скелет из мединститута пропал. Якобы приехали родственники и то ли выкупили, то ли выкрали – все одно, нельзя по горским законам на поругание тело отдавать. Так что на Родину Вася-Увайс все-таки вернулся.

Исаак Иткинд

Невысокий, в клетчатой рубаше, стоптанных ботинках, испачканных глиной, он бодро семенил по улицам Алма-Аты. Пушистые волосы и борода одуванчиком окружали голову. Когда сквозь них просвечивало солнце, одуванчик превращался в золотой нимб и, казалось, что по городу шел святой.

Внук Коцкого раввина и сын местечкового учителя закончил ешибот и сам стал раввином. Жил в разных семьях, читал Талмуд... Сколько горя он видел, сколько страданий! И появилась потребность прокричать об этом страдании. Одного сострадания было мало. Он оставил религию и стал скульптором. Его служение перешло в другую форму. Родился мастер.

Он голодал и работал. Его скульптуры потрясали. Ему делали заманчивые предложения, зазывали в Америку. Он только смеялся... и отказывался. В крут его общения входили люди эпохи: Горький и Алексей Толстой, Волнухин и Рушиц, Маяковский и Есенин, Коненков и Арэнд, Волошин и Шагал.

1937 год разделил жизнь на «было» и «будет ли». Он создал невероятного Пушкина и был арестован как «японский шпион», искалечен и выслан в Казахстан. Степь, нет глины, нет дерева – сыпучий песок. Он работал. Добрые люди несли ему куски пеки дерева, чурбачки, доски, и он вдыхал в них жизнь. Он прикасался к ним руками, и уснувшая древесина начинала смеяться и плакать, рассказывать странные истории и танцевать, начинала мыслить.

Иссаак Иткинд за работой

Иссаак Иткинд. Золотая птица
с изумрудными перьями

В Алма-Ате он появился в 1944-ом. Страшно бедствовал и работал. До сих пор помнят старика, который каждое утро обнимал огромный столетний карагач на пересечении проспекта Сталина и Октябрьской. Потом из этого дерева возродился Джамбул – самый удивительный портрет великого акына.

Иссаак Иткинд работал в глине, иногда в гипсе. После переводил свои работы в дерево. Любое дерево – живое. Но у каждого образа своя жизнь и

свое дерево. Может, поэтому его работы так музыкальны: в них собрана могуть звука – от мощи реквиема до изящной легкости сонатины.

Ему было интересно жить, он был счастлив и жизнелюбив. Держа в руке покусанное яблоко, он, смеясь, говорил: «Вот в Алма-Ате много карагача. А в раю, куда я попаду после смерти, его, я думаю, еще больше. Там много обнаженной натуры. И я буду делать райские скульптуры из райского дерева!»

Султанская дочь

Гульнур Жансултановна Сейдалина – изящная, как фарфоровая статуэтка, сказочная принцесса, волею обстоятельств перенесенная в другой мир. Нежная женщина с нестигаемой волей.

Ей так хотелось помогать людям. Лечить больных, видеть, как они выздоравливают. Ходить, подобно мужу сестры доктору Кашкинбаеву, в белом халате с трубочкой-стетоскопом и мыть руки земляничным мылом. Она мечтала быть похожей на Гульсум Асфендиярову – первую женщину-казашку, ставшую врачом. И Гульнур нравилось, когда ее тоже называли Гульсум.

Мечта исполнилась в 1933 году. Гульнур Сейдалина поступила в Алма-Атинский медицинский институт. Учеба заполнила жизнь, новые знания, новые друзья и холодным ветром – отголоски политической борьбы. В те бурные годы еще не искали тотально «врагов народа», а «чистили» за отклонения от линии партии и «неправильное» происхождение. Виданное ли дело – дочь царского генерала, да еще и султанской крови учиться в институте! Общее собрание комсомольцев и активистов мединститута единогласно постановило: «Чуждым элементам не место среди советских студентов. Исключить за контрреволюционное происхождение». Плачущая девчонка прибежала домой: в голове не укладывалось – как же так, папа всегда был для детей самый-самый: добрый, справедливый. И кровь у нее такая же, как у всех, – красная. Но путь к образованию был закрыт. Тогда мама, Зора Жантюрина, пошла к старинному другу семьи Алиби Жангильдину. Тот взял за руку Гулю, привел в кабинет ректора мединститута Санжара Асфандьярова и сказал: «Я пришел не приказывать. Я, старый большевик, знаю эту девочку с рождения. Я ручаюсь за нее. Она не подведет». Гульнур не подвела. Отучилась, начала работать. Война, и тут же заявление: «Прошу направить в действующую армию...» До 1945 года капитан медицинской службы военврач Сейдалина боролась за жизнь раненых в полевых госпиталях на Калининском, Карельском и Ленинградском фронтах.

Она вспоминала, зябко кутаясь в пуховую шаль: «Почему-то больше всего запомнила лето 1944-го: сырое, холодное. Раненых много с раневыми инфекциями, температуращих. Они все время просили пить, пить... Вода не утоляла жажды. После перевязок я, две санитарки и несколько раненых шли собирать ягоды на болота. До захода солнца успевали собрать полтора-два ведра. Приносили в госпиталь и по полчашки раздавали раненым. Мне до сих пор снятся мшистые кочки, клочковатый туман и мы, собирающие прозрачные красные ягоды».

Первый полет

В 1958 году В 1958 году на проспекте Сталина¹ открыли новый универсальный продовольственный магазин системы «Гастроном». Продмаг назвали «Столичный».

12 апреля 1961 года со стороны улицы Мира (ныне Желтоксан) к «Столичному» змеилась длиннейшая очередь – продавали манную крупу. По одному

¹ Позже Коммунистический, в настоящее время – Абылай хана.

килограмму в одни руки. Впрочем, если на руках у взрослого или около него присутствовал ребенок – давали уже два килограмма, а если детей было двое, то и три кило, а если трое – так это же целых четыре килограмма! Очередь возмущалась и устраивала лимит – «не больше двух детей, то есть, тьфу, килограммов»!

Очередь занимали с шести утра. Продавщица не торопилась, делала свое дело медленно, периодически исчезала, потом появлялась снова. На все возмущенные реплики и ругань меланхолично отвечала:

– Вас вона сколько, а я одна на крупах парюся!

В очереди стояла молодая мамаша, которая уже опаздывала на работу. Она предупредила соседей впереди и сзади, что вместо нее придет бабушка, а номерочек она, мамаша, ей на ладонь переписшет. Очередь дала добро, и часам к трем пополудни появилась пожилая дама с ребенком на руках. Очередь насупилась, но смолчала. Ребеночек двух с небольшим лет оказался непоседой, прыгал на руках у бабули и безостановочно верещал:

– Гагаин ител уну! Гагаин ител уну!

Через некоторое время очередь накалилась до предела:

– Бабка, уйми своего мальчика!

– Это где вы здесь бабку видите?!

– Хорошо, мамаша, дите успокойте.

– Таких детей у меня нет!

– Товарищ женщина! Замолчите ребенка!

В этот спор вклинился голос:

– Бабушка, а что ваш ребенок сказать хочет?

– Он говорит, что какой-то Гагарин полетел на Луну...

– Какая Луна? На Луну не летают.

– Но ребенку трудно произнести слово «космос», а что такое Луна он уже знает.

– Так что случилось?!

– Гагарин. Полетел. В космос. По радио передали.

Тут, как в плохом кино, к очереди подбежал какой-то гражданин, вопя:

– Наши в космосе!

Что тут началось! Злобная очередь брательась друг с другом, как немцы с русскими в окопах Первой мировой. Слезы, счастье – День Победы без горечи утрат! И самый потрясающий поступок совершила заведующая магазином:

– Товарищи! Граждане! Дорогие мои, все, на ком записан номерок, вместе с манкой получают по полкило лаврового листа!!!

Слухи

1983-й. Как-то вечером небольшая группа студентов шла по проспекту Абая между улицами Сейфуллина и Дзержинского (ныне Наурыбай батыра). Весна, они молодые, веселые, не обремененные заботами, возвращались с репетиции спектакля – приближался фестиваль «Студенческая весна». С собой несли мобильный реквизит, который использовали в пьесе. Спектакль удавался, настроение прекрасное. И тут одна из девушек предложила: «Пойдемте ко мне, попьем чаю. Маман испекла такой торт!» Несмотря на десять часов вечера, искушению поддались все, кроме Антонова: «Мне ехать далеко. В «Орбиту». Я – домой». Его стали уговаривать, потом слегка применять силу. В конце концов, субличного Андриюшу крепко взяли под руки, прилюдно вытащили у него из кармана пистолет (потрясающий агрегат – выполненная «в ноль» копия пистолета Макарова, завезенная откуда-то из зарубежья и совершенно не похожая на привычные игрушечные пистолетики) и повели. Он тащился,

приволакивая ноги, постанывая и вскрикивая: «Только не надо по почкам! Я сам пойду!» Сзади шел здоровенный лоб с костылем в левой руке и с отнятым пистолетом в правой, тыкал этим пистолетом в антоновскую спину и грозно рычал: «Шевели копытами, удод! Свидетели и понятые – не отставать!». Все это на глазах у потрясенных прохожих, некоторые из которых видели начало действия, некоторые – конец, но понять не мог никто и ничего. В этот момент к остановке подкатило маршрутное такси, и Андрей, невероятно извернувшись, выдрался из цепко держащих его рук, побежал и заскочил в маршрутку. Салон маршрутки являл собой ярко освещенную сцену. Беглец захлопнул дверь и стал ее держать. К окнам уже приблизились преследователи – первым, размахивая костылем и пистолетом, наседали амбал. Пассажиры, ничего не понимая, на всякий случай вжались в сиденья. И тут гениальный математик Андрюша нашел не менее гениальное решение: поняв, что сейчас его доставят, он крикнул: «Держите дверь! У него пистолет!» Водитель вдарил по газам. Что удивительно, пассажиры, сидевшие близко к выходу, дружно вцепились в дверь, а те, кто сидел близко к шоферу, сердобольно заорали: «Подожди, щас инвалида подберем». На что пассажиры у двери не менее дружно завопили: «Это не инвалид! Это маньяк!» Такси, плюнув синим дымом, рвануло вперед и за стеклами мелькнули выпученные от страха глаза и перекошенные физиономии пассажиров.

На следующий день по городу поползли слухи о маньяке-инвалиде, который сбегал от опергруппы и преследовал граждан – жителей «Орбита» – в самом центре города, и только благодаря мужеству шофера им, гражданам, удалось скрыться от убийцы.

Рыбное везение

В ноябре 1993-го ввели собственную валюту – тенге. Событие впечатляющее, но корма для желудков все равно было мало. В микрорайоне «Самал», который тогда интенсивно застраивался, был весьма неплохой гастроном, где, при удаче, можно было затовариться чем-либо съестным. И вот как-то мадам К., зайдя в магазин, обнаружила в витрине целую россыпь РЫБЫ. Рыбки, правда, были маленькие, дохленькие, тощие – длиной с карандаш и соответственной толщины. Но это были ЩУКИ, ЩУ-У-КИ!!! Точнее, щучьи мальки. И все-таки – ЩУКИ. Ах, какая рыба-фиш, забытая, тающая во рту, подступила к слюнным железам из недр памяти... Она решила прикупить килограмма три рыбной мелочи, и тут глаз зацепился за нечто невероятное. Среди плоских трупиков в витрине по диагонали вальяжно раскинулось серое, в темных разводах, толстое, торпедообразное, полутораметровое щучье бревно! С доброй улыбкой на острой морде!!! Боясь поверить в такую удачу, мадам спросила:

- А скажите, милейшая, ЭТО продается?
- Да.
- А ЭТО свежее?
- Да.
- В ЭТОМ килограммов десять-двенадцать?
- Да.
- И как я ЭТО понесу?!
- Да-а...

Заплатив несусветную цену – около пятидесяти тенге (не забывайте тот курс!), запаковав половину рыбы в полиэтиленовую пленку, плотно обхватив тушку руками, мадам выплыла из магазина. Зрелище впечатляло: Дама в роскошном пальто из ламы, с огромным пушистым воротником и отворотами, в норковой шляпе, тащит полузапакованную рыбину, хвост которой замерзшим

пером вздымается высоко над головой. В автобус забраться не удалось, на такси денег уже не оставалось – пришлось тащиться пешком. Путь до дома – три остановки – занял два часа пятьдесят минут! Утешало одно – пальто и рыба были одной цветовой гаммы.

– Женщина, где вы купили рыбу?!

– В «Самале».

– А что это за рыба?

– Щука.

– А она вкусная?

– О, да. Очень!

– А что из нее готовят?

– Можно уху...

– А как? Так же, как из обычной рыбы?

– Да. Только, знаете, лучше крутых яиц побольше положить...

– А жарить можно?

– Конечно. И со сметанкой, и в томате...

– А еще что можно?

– Ну, рыбу-фиш можно...

– А это вкусно?

– Да, очень...

– А как это готовить?

– Так-то и так-то...

– Спасибо!

– Не за что!

– А там еще есть?

– Мелочь оставалась...

Разговор четвертый или пятый (после первой остановки):

– Тате, где рыбу брали?

– В «Самале». Вкусная. Можно уху, можно пожарить, можно рыбу-фиш. Да.

На любителя. По-разному. Если быстро пойдете, еще успеете.

Разговор более, чем десятый (после второй остановки):

– Дамочка, где рыбкой затоварились?

– В «Самале». Вкусная. Все что угодно! Яйца не забудьте!

Уже на подходе к дому, восемь часов вечера, темно и почти ничего не видно:

– Девушка...

– Вкусно, хоть сырую ешьте!

– Ой, что это с вами? Я просто время спросить хотел...

– Восемь! Часов!! Вечера!!!

– Спасибо. А что это вы несете...

